

ПЛАСТОВА БИБЛІОТЕКА
ПІД РЕДАКЦІЄЮ Л. БАЧИНСЬКОГО

С 2204/4.

Ч. 4.

СВЯТО СВОБОДЫ
28. ОКТОБРА

УРЯДЖЕНЕ ВСЬМИ ПЛАСТОВИМИ
ОДДѢЛАМИ ГОРОДА УЖГОРОДА
28. X. 1925.

1925

КНИГОПЕЧАТНЯ «СВОБОДА» В УЖГОРОДѢ

SLOVANSKÁ KNIHOVNA

3186288327

16071

ПЛАСТОВА БИБЛІОТЕКА
ПІД РЕДАКЦІЄЮ Л. БАЧИНСЬКОГО.

63912

Ч. 4.

СВЯТО СВОБОДИ
„28. ОКТОБРА“

УРЯДЖЕНЕ ВСЬМИ ПЛАСТОВИМИ
ОДДѢЛАМИ ГОРОДА УЖГОРОДА
28. X. 1925.

1. Лѣбуша в таборѣ — одноактѣвка.
2. Декламаціѣ.
3. Народнѣ Гимны.

1925

КНИГОПЕЧАТНЯ «СВОБОДА» В УЖГОРОДѢ

с. 2204/4.

Програма свята.

I.

Декламація.

1. Fr. S. Procházka: — 28. říjen Кадлецова, пл-ка
[чеськ. оддѣла.
2. Олесь: — Т. Масарикови . . . М. Хома, пл. руськ.
[оддѣла при гор. шк.
3. Blayer: — A szabadság napjára Кремницька Валерія
пл-ка маляр. оддѣла.

II.

Od Šumavy k Tatrám: — obraz v 1 ději, napsal
p. Kadlec, hrají skauti českých oddílů.

III.

Народнѣ Гимны . . . збѣрный хор пластунѣв.

* * *

Пластовый режисер — М. Бѣличенко.

Хором диригуе — пл. Галас.

Комитет по улаштуваню свята:

- Бр. Л. Бачинський — окр. звѣтодавецъ.
„ А. Дѣдик — предст. руськ. пл. оддѣлѣв.
„ Никендей — « чеськ. « «
„ Пропер — « жидѣв. « «
„ Блаер — « маляр. « «

IV.

С. Черкасенко :

Лѣбуша в таборѣ.

Сцена в одной дѣѣ.

Выставлена пластунами руського оддѣла им. Коріятовича при державнѣй реалнѣй гимназїи и оддѣлом имени О. Вахнянина при державнѣй торговельнѣй академїи в Ужгородѣ.

Лицедѣѣ:

Скальный Орел . . .	пл. А. Шерегій
Старый Лис . . .	пл. А. Гегедиш
Вартовый 1. . . .	пл. К. Кулаченко
Вартовый 2. . . .	пл. А. Бабота
Острый Коготь . . .	пл. Т. Баконій
Вовчий Зуб . . .	пл. М. Барна
Певна Рука . . .	пл. Ю. Ревецький
Тихая Печаль . . .	пл. С. Бирчакѣвна
Стрѣла	пл. О. Сподарикѣвна
Льбуша	пл. М. Брацайкѣвна
Челядки 1, 2, 3, 4 . . .	пл-ки М. Комаринська Д. Одливана, А. Петрови- чѣвна, А. Дудинська.
Селяне — чех . . .	пл. ч. о. А. Заплетал
словак . . .	пл. ч. о. Выдра
русин . . .	пл. О. Борканюк

Иншѣ пластуны и пластунки.

Дѣся в нашѣ часы, в лѣтъ.

Табор пластунѡв над Влтавою.
Посеред сцены таборовый огонь,
навколо якого спочивають перед сном
пластуны и пластунки. Кто сидить,
кто напѡв лежить.

Тихий пѡзный мѣсячный вечѣр.

Скальный Орел (в задумѣ).

Як тихо, красно . . . хвилѣ Влтавы
Шепочуть казку давных лѣт
И з тьмы вѣкѡв несуть привѣт
Душѣ моѣй героѣ славы . . .
В такую нѡч не треба слѡв!
Лежи, мовчи — не треба шуму, —
Поринь у тихую задуму,
Як у молитву, й безлѣч снѡв
Душа спокѡйна увѣч створить.
Що Купер, Томпсон, що Майнрид!
Кто до душѣ з них заговорить,
Лишить у нѣй нестертый слѣд,
Як тиха дума про минуле?

Старый Лис.

Е, не кажи! Я их люблю . . .

Скальный Орел (не слухаючи).

Що сердце так зворушить чуле?
Смѣюсь, часами слезы ллю,
А инодѣ лечу душею
У ту далеку давнину,

Живу в нѣй думкою своєю,
Спочину в нѣй и вѣддѣтхну.

Певна Рука.

А я над все люблю Томпсона.

Вовчий Зуб.

Я »Джунглѣ« Киплинга, — се рѣч!

Стрѣла.

А »Тысяча и одна нѣч« ? ...

Острый Коготь.

А я »Шерлока« й »Пинкертона« ...

(Смѣх).

Скальный Орел.

Хо-хо, малый! Побив рекорд:
Як-раз для пластуна читаня!
Як-раз для нас з тобою спорт,
Що будить высшѣ почуваня,
Що вчить у кождому з людей
Вбачати ... злодѣя страшного.

Тихая Печаль.

Я нѣ, я не люблю такого:
Читаеш — сердце из грудей
Од жаху выскочити хоче.
Читатъ сього б я не змогла.
А думы Скального Орла
Пѣдносять сердце и дѣвоче.
И в дозвѣлѣ, в самотѣ,
Люблю без авантур, без шуму
Читатъ переказы святѣ,
Поринути в глубоку думу
И з давньоѣ старовины
Чарѣвный образ выкликати
Якогось мужа чи жоны
И з ними мовчки розмовляти.

Старый Лис.

Ой падоньку! та се ж нудьга!
Не всидѣв бы я и хвилины . . .
Нѣ, нѣ, покѣрный вам слуга!
Люблю я рух, житя, одмѣны . . .
На то мы, брате, юнаки,
Щоб розумѣти лѣс и горы,
И шум бурхливоѣ рѣки,
И в порывах не знати зморы.

Скальный Орел.

Усе се красне, брате мѣй,
Та не про то я зняв розмову.
Казав я вже, кажу и знову:
В гонитвѣ нашѣй запальнѣй
За згодою з житям природы
Мы перебѣгли ту межу,
За котрою — ще раз кажу —
Нам недалеко и до шкоды.
Кто мы? — скажѣть вы раз менѣ. —
Якѣ плакаем идеалы?
Якѣ мы присяги складали
При таборовѣм сѣм огнѣ?
Тѣснѣ лишивши мѣйскѣ стѣны,
В природѣ тут, моѣ браты,
На воли хочемо прийти
До гармонійноѣ людины,
В душѣ своѣй еѣ знайти . . .

Старый Лис.

То що? . . . До чого, власне, ты
Говориш се? Мы всѣ се знаем —
И ты, и я, и всѣ они —
(показуе на всѣх).
Идею сю в душѣ плакаем,

Бо не були б мы пластуны,
Коли б тѣ приписы высокѣ
Та мали лиш на языцѣ.
И не глухѣ мы, не безокѣ,
Щоб перейшли на манѣвцѣ.
Яку ж между десь перейшли мы?

Скальный Орел.

Ты хочеш знати ту между?
Як так, то слухай же, скажу
Тобѣ словами се простыми:
Имя ты маеш — Лис Старый,
Мое — Орел зо скал высоких,
Малого — Коготь . . . не тупый,
А конче Острый, для глубоких,
Болючих ран, щоб их поглубить;
А сей малый — чомусь Рука,
Ще й Певна, не абь-яка, —
Коли вже вдарить, то не хибить.
А сю малу звемо — Стрѣла . . .
Чому тебе так звать, мала?

Стрѣла (*хитнувши плечем*).

Хиба я знаю! . . .

Острый Коготь.

Так назвали

Наш провѣдник еѣ, бо нѣг
Быстрѣйших досѣ мы не мали,
Щоб ктось в бѣгу их перемѣг.

Скальный Орел.

Ну, се ще поки що пѣв лиха.
Ты хлопче, Вовчий Зуб?
Ты Яструб? ты — Желѣзный Дзюб?
О, тут уже нам не до смѣха!

(До Старого Лиса).

Чого похнюпивсь и замовк?
Од назв самых вже страшно стало?
Авжеж, кого б се не злякало!
Та се ж не все. А Сърый Вовк —
Наш провѣдник! . . . Отсе так братство!
Куды не глянь — саме хижацтво,
Хижацтво и — идея пластова! . . .
Та од симболики сіеѣ
Забудеш стежку до идеѣ,
И залишаться нам од неѣ
Самѣ высокѣ лиш слова!
А се, браты моѣ, не смѣшки:
В идеѣ — братство, й мы — браты,
По назвѣ ж всѣ мы — й я, и ты —
Якѣсь розбѣйники, опришки.
Чи так кажу?

Старый Лис.

О нѣ, не так!
Не бачив досѣ в сѣм я шкоды:
Таке имя — се тѣлько знак,
Що нас зближае до природы.

Скальный Орел.

Та до якоѣ? Сѣ знаки
Властивѣ диким индіянам,
И вже идея их сама нам
Чужа. Всѣ сѣ орлы, вовки,
Медведѣ, лисы — нѣ до чого.
Що мають спѣльного такого
Из пластом всѣ тѣ хижаки? . . .
А индіяне та индусы?
Чому не кафры чи зулусы? . . .
Чом африканский канибал,
Его цѣкавіѣ пригоды
Не можуть стать за идеал
Прихильникам житя природы?

Чи вся екзотика отся
Не тую має вже коштовнôсть? . . .
Нѣ, брате, вже як послѣдовнôсть,
То послѣдовнôсть до кôнця!

Тихая Печаль.

Мене також завжды дивуе
Сей нахил наш до звѣрины.
Щô нашим выбором керуе?
Чому доконче пластуны
Летять в Америку думками,
Коли пôд носом рôднôй край?

Скальный Орел (плече в долонь, за ним усть).

Чудесно! Так, моя тихенька!
Чого летѣть за океан
До напôв диких индiян?
Чи наша давнина старенька,
Чи нашѣ горы и лѣсы,
Чи нашѣ рѣки и долины —
Просторы нашоѣ краѣны
Не мають жадноѣ красы? (Оплески).
Не скажуть нам легенд блискучих,
Не заспѣвають нам пѣсень
Старых, як свѣт, и сердце рвучих
Туды, де воля, щастя, день? . . .
Не африканскѣ канибалы,
Не Томпсон, Киплинг чи Майнрид
Плекали нашѣ идеалы,
Уславили наш чесный рôд! (Оплески).
Чи мы безбатченки? Чи нынѣ
Явились тôлько на землѣ
И не живем в старôй родинѣ,
Як славный нарôд взагалѣ?
Чи кождый корх землѣ сiеѣ

Не наша поливала кров,
Коли боролися за неѣ,
Свободы знявши корогов?
(Оплески. Скальный Орел пѣдводиться ѣ сѣдае).
Ось Вышеград . . . Перед вѣками
Там слава Чехіѣ зросла
И скрѣзь широкими свѣтами
Про чехѣв вѣсти понесла.
Она звѣдтѣль заблисла:
Там воеводы Чех и Крок
Дали всѣм мудрости зразок
В законах славного Пшемысла,
На горах сих, у сих лѣсах
Поклали Чехіѣ основы,
Змѣцнило ж их цементом крови
Лицарство наше у боях.
Чи знѣкчемнѣли нашѣ душѣ,
Що мы в свободѣ у новѣй
Забули рѣд преславный свѣй
И пророцтва вѣщоѣ Лѣбушѣ?
Ишли столѣтя. Принесли
Нам вороги ярмо неволѣ,
Та не корились мы сѣй долѣ
И помсту в грудях запекли,
Боролись цѣлыми вѣками,
Мы не хилили стягу вниз
И через море крови ѣ слѣз
Перенесли его без плямы
Аж до останних сих часѣв —
Свободы, щастя и любви,
Бо крѣпкѣ ще були основы,
Що в хащах первѣстных лѣсѣв
Поклали предки всѣм на диво.

Не спочиваючи й на мить,
Ктось сѣяв в тьмѣ тысячолѣть,
А мы зѣбрали добре жниво.
Тому у хвилѣ у страшнѣй
Нас не злякали перепоны,
Й коли за волю знявся бѣй,
Зродились нашѣ легіоны.
Хоч звѣдусюды сила тисла,
Та мы не знали бѣльш зневѣр:
Нового мали мы Пшемысла,*)
Мы перейшли страшный Сибѣр,
Переплыли безкрае море
И в рѣднѣм нашѣм сѣм краю
Витали воленьку свою
Й навѣк сховали кляте горе. (Оплески).
И як до старших до брѣтѣв,
До нас пристали меншѣ брѣтя —
Сыны Татрусѣвских верхѣв
И вбогѣ дѣти Пѣдкарпатя, —
Щоб разом з нами в грѣзный час
До бою стати за свободу.
Тож проклят буде всякий з нас,
Кто сю святу зламае згоду,
Кто, сам звѣльнившись з ярма,
Хижацких прикладѣв не кине
И в злѣбѣ хижѣй крадькома
На брѣта меншого надѣне!
Словяне мы и на чолѣ
Брѣтѣв-словян одверто стали:
Шануймо ж болѣ их, жалѣ,
Шануймо ихнѣ идеалы! (Грѣм оплескѣв).

*) Т. Масарик.

Тихая Печаль.

Мы — юнаки, наш чесный шлях
Не забруднить лихая зрада:
Слова Лѣбушинѣ — наш стяг,
Що маяв нам из Вышеграда!

Старый Лис.

То будь же ты Лѣбуша в нас,
А я имя Старого Лиса
Покину теж теперь до бѣса:
Не треба бѣльше сих окрас,
Коли и справдѣ суть рѣднѣйшѣ.

(До Скального Орла).

А-ну, порады, — яке прибрать?

Скальный Орел (стомлено).

Любѣ собѣ ты можеш взять.

Старый Лис.

Кажы, якѣ з них цѣкавѣйшѣ.

Тихая Печаль.

Е, нѣ, стривай: ще се пытаня
Поставим в радѣ пластовѣй
На суд и голосованя . . .

Старый Лис.

Ты маеш рацію . . .

Скальный Орел (мрѣино).

Який

Чудовый вечѣр! Слѣв не треба:
Що скажуть лѣпшого они,
Нѣж сяиво мѣсячнее з неба,
Що навѣває краснѣ сны.
Чи мало мѣг бы розказати
Нам срѣбный неба вартовый,
Единый свѣдок тых надѣй,

Про котрѣ можем лиш гадати.
Але ясный вѣн, та . . . нѣмый . . .
И нѣч нѣма . . . Она не знае
Нѣяких людских почувань:
Байдужо прийде и зникае . . .
У ватрѣ попелѣе грань . . .
Небавом сон. Чи нашѣ душѣ
Навѣдають хоч у-вѣ снѣ
Далекѣ привиды яснѣ
Пшемысла й мудроѣ Лѣбушѣ? . . .
Я все б вѣддав за сон такий!

Тихая Печаль.

И я також. Але — чи вдасться
Их выкликать в душѣ своѣй
И пережити хвилю щастя? . . .

Старый Лис (*повертаеся и мрѣно наспѣвуе*):

»Нѣченько нѣжная . . .

Хор (*тихо прилучаеся*).

Теплою ласкою

Нас ты даруеш:

Шепотом пестоцѣв, дивною казкою,

Сном зачаруеш . . .

Тихо шепочеса з зорями ясными

Темна дѣброва:

Душу пѣдноситъ нам хвилями красными

Тая розмова . . .

Нѣченько зоряна! снами чудовыми

Будемо спати:

Вкрый же нас долѣ и щастя покровами,

Нѣченько — мати!*)

(*По пѣсни деякий час тихо*).

*) Муз. Я. Ярославенка.

Скальный Орел (*пôдводиться*).

Хоча чудова и ясна нôч,
Та спати треба . . .

Старый Лис (*и иншь теж пôдводяться*).

Спати час.
Розбудить сонце завтра нас,
А поки що усъм добранôч!

Голосы.

Добранôч! Добранôч! Добранôч!

(Розходяться — дѣвчатка лѣворуч, хлопцѣ — направо. На сценѣ, на другôм планѣ, стоить Вартовый 1-й, обпершись на свою палицю стомлений турботами дня, вон непомѣтно для себе починае дрѣмати.

Сцена раптом темнѣе. За хвильку она освѣтлюея фантастичным сѣйвом, що одкрывае глядачам у лѣвôм кутѣ галявы постать Перуна в тѣни навислого галузя).

Лѣбуша (*стоить осторонь постати, щаслива, усмѣхнена ѥ озираея доврола*).

Де я? . . . Знайомый чую гомôn.
Се Влтавы шум мôй ловить слух,
А сердце грѣе давний спомин . . .
Який чарôвный, вѣщий дух
Узяв мене на дужѣ крыла
И з тьмы забытых вже столѣть
Принѣс сюды так быстро, в мить?
Лишилась пустою могила . . .
Я знов жива, ѥ кругом житя . . .
А може я и не вмирала,
А тôлько довго-довго спала
Пôд колысанку забытя? . . .
Ось ватра свѣжа. Ледвы в'есея

Угору ще легенький дым,
Мѣнлива грань жива пѣд ним
И то сумнѣе, то смѣеся.

(Врешть погляд єь падає на постать Перуна).

А се . . . там кто у гуцинѣ?

(Пѣдходить ближче и гукає од щастя).

Се ты . . . се ты, о мѣй Перуне!

(Зинає кольно й клячить перед богом).

Молитву тихую свою
Приношу знов тобѣ, могутный,
За час сей красный, незабутный
В моемъ рѣдному краю!
Се ты той дух, що из могилы
Мене у тишу сю принѣс
У мѣй священный давній лѣс,
Натхнув мѣй дух и вѣщѣ силы,
Сподобив зрѣти рѣдний край.
Хвала, хвала тобѣ, всесильный,
Що ты розвѣяв сон могильный!
Дозволь же, як велить звычай,
Тобѣ подяковать красненько . . .

(Пѣдводиться и плеще в долонь).

Вѣнки могутному хутенько!

*(З лѣвого боку выбѣгають кѣлька Лѣбу-
шиных челядок з вѣнками и кладуть тѣ вѣнки у
пѣдножа постати).*

Теперь, голубки, як бувало,
Танок побожный заплетѣть —
Старого бога звеселѣть,
Щоб сердце и в самых заграло.

*(Сама сѣдає на пнѣ недалеко од постати
Перуна, а челядки заплѣтають танок).*

Челядка 1.

Знов мы волею богѠв
В рѠднѠм краѠ на землѠ,
Мы не зникли в тѠмѠ вѠкѠв
У страшнѠй еѠ имлѠ,
Мы не зникли без путя:
Знову кличуть до живых —
Боги кличуть до житя.
Слава ж старшому из них!
(Приклякають перед Перуном и танцюють далѠ).

Челядка 2.

Знов лѠсы и знову горы,
Знову сонце та блакить,
Знову рѠдниѠ просторы
Будуть серце веселить!
Той не вмер ще, кто душею
РѠдну землю покохав,
ВѠн живе — живе из нею,
Бо нѠколи не вмирав!
(Приклякають перед Перуном знов и танцюють далѠ).

Челядка 3.

Молитву тиху
И серце юне
ТобѠ приносим,
О наш Перуне!
И лѠс, и горы,
И рѠдна Влтава,
И мы из ними
Гукаем: Слава!
(Приклякають перед Перуном и танцюють далѠ).

Челядка 4.

Як Влтавы хвилѠ,
Так грае радѠсть в нас,

Хвала тобѣ, Перуне,
За щастя краснѣй час!
Ты теж из нами,
Княгине преясна,
Хвала тобѣ, Лѣбуше,
О зоре провѣдна!

(Закѣнчуютъ танокъ поклономъ Лѣбушь).

Лѣбуша *(пѣдводитъся розмріяна; в сю мить по-
глядъ ея падае на вартового).*

Се ж кто? . . Звѣдкѣль? . . И якъ посмѣвъ
Порушить спокѣй нашъ побожный?

Вартовый 1.

Облищ, княгине, тонъ трѣвожный:
Не ворогъ я, бо на своѣй
Стою земли, якъ ты стояла
Передъ вѣнками тутъ на нѣй.

Лѣбуша.

Такого я не зустрѣчала . . .
Чого ты тутъ? . . Ты самъ одинъ,
Чи е кто в лѣсѣ й ще з тобою?
Ты, хлопче, кто?

Вартовый 1.

Я — словянинъ,
И в лѣсѣ тутъ живутъ зо мною
Браты и сестры молодѣ.

Лѣбуша.

Вы ж кто? Ловцѣ чи дроворубы?

(Пѣдходитъ до него и оглядае его).

Гей, — надто нѣжный ты, мѣй любый . . .
Як не ловцѣ вы — кто ж тодѣ?

Вартовый 1.

Мы — юнаки. Я — вартовый.

Лѣбуша.

Кому ж угрожают пригоды?

Вартовый 1.

Вартую я спокѡйнѣ сны,
Вартую спокѡй тишины
На лонѣ матери — природы.
Он глянь туды, ось глянь сюды —
На сѣивѣ мѣсяця бѣлѣють
Наметы нашѣ. Молодой,
Щасливый сон тѣ шатра крыють.

Лѣбуша.

Вы послѣ бою? вояки?

Вартовый 1.

Для того надто мы спокѡйнѣ,
Хоч в час пригод — безстрашнѣ, рвѣйнѣ . . .

Лѣбуша.

Та кто ж вы справдѣ?

Вартовый 1.

Юнаки.

Мы выйшли з мѣста, щоб в таборѣ
Юнацке тѣло гартовать,
Юнацкий дух змѡцнить, пѡднять
В природѣ, в лѣсѣ, на просторѣ.
И сестрам нашим и братьям
Тѣснѣ тѣ мѣйскѣ осередки,
Тяжка задуха, шум и гам, —
Мы хотим жить, як нашѣ предки,
З природою одним житям.
В здоровѡм тѣлѣ дух здоровый

Не заведе на манѣвцѣ :
До щастя, волѣ и любви
Вѣн приведе наприкѣнцѣ.

Лѣбуша.

Якѣ слова! . . В здоровѣм тѣлѣ
Здоровый дух теж був и в нас,
Але не раз бував той час,
Коли корились вражѣй силѣ.
То де ж та воля и любовь?
Здорове тѣло й дух буяе,
В змаганях выходу шукае
Й звѣрячий норев будить знов.

Вартовый 1.

Про сѣ мы знаем авантюры,
Але для них знайшли отпѣр
В путях новѣтньоѣ культуры —
Культуры духа. Згода й мир
Стоять на сѣм новѣм прапорѣ.
Як зниме ж кто прапор вѣйны,
Мы — Краю Рѣдного сыны,
И знов хоробрѣ и суворѣ.
Не пѣддамося ворогам
И знайдем, що робить в пригодѣ:
Здоровый дух не стане нам
У боротьбѣ на перешкодѣ.

Лѣбуша.

Новѣ слова . . . новѣ думки . . .
Ты знаеш, кто я?

Вартовый 1.

Знати мушу.
Всѣ нашѣ знаютъ юнаки
Княгиню чеськую Лѣбушу.

Лѣбуша.

Вôдрадно чути се менѣ
И жаль бере мене, що нынѣ
Вже о дванацятôй годинѣ,
Як першѣ закричать пѣвнѣ,
Мене не буде бôльше з вами.
Хотѣла ж бачити вас всѣх
И порадѣти з юнаками,
Почути их веселый смѣх
И их розумную розмову.

Вартовый 1.

Твое бажаня — нам закон.
Я прожену их тихий сон,
Най буде по твоему слову!
(Притуляє до уст свищика и дає знак трьвоги)
Всѣ прибѣжать сюды за мить.

Лѣбуша.

О, дякую! Даеш ты змогу,
Поки пôйду я знов в дорогу,
Новых дѣтей благословить;
О краю мôй! о земле рôдна,
Жила, живеш ты й будеш жить,
Велична, пышна, славы гôдна!
Були часы не раз страшнѣ,
Як над тобою нôч нависла,
Та розбивали тьму огнѣ
Законôв мудрого Пшемысла.
И через довгѣ вѣки
В серцях у чеського народу
Они горѣли за свободу:
Не гасли вôльнѣ думки,
Не занепали гордѣ душѣ,
Аж поки славный наш народ

У порыванях до свобод
Дойшов до вѣщих слѳв Лѳбушѳ.

(З лѳвого и правого боку один по одному
являются здивованѳ пластуны и пластунки. Пѳ-
знавши, кто перед ними, они вклякають и схи-
ляють головы перед Лѳбушею).

Тихая Печаль.

Витаємо, ясна княгине,
Тебе в таборѳ юнаков!
Юнацке сердце быстро лине
До тебе щиро и без слѳв.

Лѳбуша.

Примары . . . чудо . . . Встаньте, дѳти!
(Юнаки пѳдводяться).

Розбить казала вашѳ сны,
Щоб разом з вами порадѳти.

Тихая Печаль.

Княгине, мы пластуны, —
Де треба, вмѳємо не спати.

Лѳбуша.

Так, добре! . . . Та скажи менѳ —
Ты кто, дѳвчино, и як звати?

Тихая Печаль.

При таборовѳм при огнѳ
Лѳбушею мене назвали.

Лѳбуша.

Лѳбушею?!

Тихая Печаль.

Твоим имям
Замѳсто Тихоѳ Печали.

Вовчий Зуб (выходить наперед).

Не личить хижа назва нам:
Я теж . . . був Вовчий Зуб давнѳйше,
Тепера ж звать мене Цтѳрад.

Певна Рука.

Имя я выбрав ще славнѣйше,
Котрымъ пышався Вышеград.

Лѣбуша.

Скажи ж, скажи, о мѡй юначе.

Певна Рука.

Я выбравъ назвище — Честмир!

Острый Коготь.

Носив и я имя звѣряче,
Тепер я Бѣвой, а не звѣр.

Стрѣла.

Я, панѣ, Казя. *(Показує на подругу).*
Се ж ось Тета.

Лѣбуша *(радѡсно).*

Моѣ се сестры!

Старый Лис.

Я став Чех!

(Показує на товариша).

А сей юнак — брат Чехѡв, Лех.

Лѣбуша.

Хвилює серденько усе та,
Повстала знов старовина,
Страшнѣ часѡв затерши числа:
Мы з вами — як сем'я одна,
Але — забули вы Пшемысла
И Крока славного. Се ж як?
Умысне сталося? ненароком?

Тихая Печаль.

О, нѣ, княгине, сей юнак

(показує на Скального Орла)

Зовеся в нас преславнымъ Кроком.

Скальный Орел (*выступает вперед*).

Я, панѣ, Крок. Наш доглядач —
Єго немає тут из нами —,
Сей наймудрѣйший мѣж братами,
Пшемыслом звеса. И пробач,
Княгине славна, мы не гѣднѣ
Носить имен великих тых . . .

Лѣбуша.

Шануйте их, шануйте их!
Вы гѣднѣ их, бо вы — свободнѣ,
А не рабы в чужѣм ярмѣ.
Живѣ словянскіѣ племена
И не затерлися у тѣмѣ
Вѣкѣв преславнѣ тых имена,
Кто на зорѣ сього житя
Поклали Чехіѣ основы
И не жалѣли поту й крови,
Працюючи до забутя.
Хотѣла б я ще ближче з вами
Короткий час свѣой подѣлить.
То ж сядьмо десь пѣд деревами.
Нехай усе довкола спить,
А мы посядем осторонѣ
Про дещо долю розпытати.

Скальный Орел.

Княгине славна, наш огонь
Радый тебе тут привѣтати.
Братя, галузя! та боржій!
Княгинѣ мѣсце дайте чѣльне,
А решта сядь, де буде вѣльне!

(Один з юнаків приносить оберемок хворосту и кидает в огнище, другой роздувает огонь. Иншѣ переносят пень до ватры и покрывают его плащем. Лѣбуша сѣдає на приготовлене мѣсце; поруч неѣ челядки, а потѣм пластуны и пластунки).

Лѣбуша.

О, дякую, юначе мѣй!
Хвилины йдуть, проходитъ нѣч,
Побути ж з вами так принадно.
То розкажѣть менѣ докладно
Про то, кто вы, який ваш клич.
Звете самѣ себе — браты,
Як и годиться у родинѣ,
Та до якоѣ до меты
Ваш юный шлях веде вас нынѣ?

Скальный Орел (до Острога Когтя):

Ты кто, малый.

Острый Коготь (пѣдвѣвшись).

Я — словянин,
Я — нашего народу сын,
Его свободнѣ державы.

Скальный Орел.

А присягався ты на чѣм?

Острый Коготь.

Не зрадити нѣ перед ким
Его свободы, щастя, славы.

Скальный Орел.

Словяне кто?

Острый Коготь.

Браты мѣй.

Скальный Орел.

Якѣ до них твоѣ бажаня?

Острый Коготь.

Ужию всѣ своѣ змаганя,
Щоб у однѣй злились сем'ѣ
Непереможнѣй и свобѣднѣй.

Скальный Орел.

А засѣб твоѣй?

Острый Коготь.

Свобода всѣм
У братствѣ спѣльнѣм и однѣм,
И каждому в краинѣ рѣднѣй.

Скальный Орел.

А кто свободу дав тобѣ?

Острый Коготь.

Хоробрѣ нашѣ легіоны
Тяжкѣ розбили перепоны
И здобули у боротьбѣ.

Скальный Орел.

А кто у тяжкую годину
Чехословацкѣ землѣ
Злучив у спѣльну их дружину?

Острый Коготь.

Масарик славный на чолѣ
Хоробрых став и, як стерничий,
Привѣв до спѣльноѣ меты,
Пѣднявши дух их войовничий.

Скальный Орел.

Гаразд, сѣдай! (*До Старого Лиса*).
Пытай ще ты!

Старый Лис (*до Вовчого Зуба*).

Малый, як звесе братство наше?

Вовчий Зуб (*пѣдвѣвшисѣ*).

Мы — юнаки, мы — пластуны,
Природы-матери сыны.

Нема на свѣтѣ братства красше,
И нас на свѣтѣ миліоны.

Старый Лис.

Якѣ створили мы законы,
Щоб у громадѣ мати лад?

Вовчий Зуб.

Пластун повинен бути справный,
Хоч не урядник вѣн державный.
Пластун братам служити рад,
Пластун неправду зневажае,
И коли раз вѣн слово дав,
То вже нѣколи не зламае.
Пластун ясне сумлѣня мае
И нѣколи совѣстю не грав.
Пластун ошадный, справедливый,
Усе вѣн робить на корысть,
Пластун гостинный: добрый гѣсть —
То брат, до нього вѣн зычливый.
Краса, работа, вправный рух
Плекають в ньому рѣвный дух.
Вѣн чистый сердцем и щасливый.
Над все ж кохае Рѣдный Край:
Пѣдчас ворожих хуртовин
За нього пѣйде на загин! (Оплески).

Старый Лис:

Гаразд, мѣй хлопчику, сѣдай!
(До Тихоѣ Печали):

Що сестры скажуть — мы почуем.

Тихая Печаль (до Стрѣлы).

Чому в таборѣ пластуны?

Стрѣла (пѣдводиться).

Де тѣсно, душно — мы нудьгуем.
Дѣждавшись сонця и весны,

Од мѣст задушливых на волѣ
Спочине сердце и душа:
Скѣнчивши всѣ работы в школѣ,
Юнак в природу выруша'.
Вѣн любить лѣс, и воды, й горы!
Лишивши тягар сѣрых стѣн,
Обнять душею хоче вѣн
Землицѣ рѣдноѣ просторы,
Из нею жить одним житям,
Тому усюды — тут и там —
По всѣй краинѣ суть таборы.
Гартуем тут наш юный дух,
Новѣ збираемо тут силы,
Бо нашѣ в мѣстѣ знемощѣли:
Тут острим зѣр наш, острим слух,
Вбираем сонячне промѣня,
Щоб Рѣдный Край наш и народ,
Окрѣм здобутих вже свобод,
Здорове мали поколѣня.
Мы не марнуемо часу —
У пластунѣв се не в звычайо:
Мы пѣзнаемо тут красу
Колись окривдженого краю. (Оплески).

Тихая Печаль :

Ты вже скѣнчила ?

(Стрѣла кивае головою на знак згоды).

Лѣбуша (гладить еѣ по голѣвцѣ):

Скарбе мѣй!

Благословен, мѣй боже милый!
Даш новѣ, незнанѣ силы
Душѣ заснулѣй вже мѣй,
В душѣ цвѣтуть знов щастя квѣты.
Чи можу ж в сю щасливу мить

Я сны рожевѣ вам розбить?
Що вам скажу, о любѣ дѣти?
Прийшла я не для вѣщовань,
Але дивлюсь в червону грань
И бачу то, що далѣ буде.

(Вдивляеся якусь хвилину в огонь, потѣм встає и натхненно промовляє, простягнувши вперед руки. Пластуны встають тоже и стають позад неѣ в двѣ лавы — дѣвчатка и хлопцѣ).

Якась трѣвога стисла груди . . .
На пѣвнѣч — зграѣ чорных хмар
Гуртуються в велику тучу.
Кроваве сонце, як пожар,
Вѣщує бурю неминучу.
Кровавый дощ . . . кровавый бѣй?
Словяне, позѣр! Киньте зваду,
Гуртуйтеся в одну громаду,
Гартуйте меч щербатый свѣй! . . .
Ах, чує серце жах и муку! . . .
Высокѣ горы у огнѣ . . .
Спинѣть еѣ — ту грѣзну руку!

(Чоло Лѣбушѣ прояснюеся).

Безстрашный лицар на конѣ . . .
Витаите ж пышно оборонця!
Вѣн смѣло став перед полками,
Вѣн смѣло править юнаками
Прекрасный вождь з краины сонця.
Мечем черкає чорных хмар
И розбиває их — де гляне, —
Як грѣм его страшный удар!
За ним, за ним, братья — словяне! . . .
Заходить сонце. Чорный дым
Вѣтры понесли до пѣвночи,
Вертає з бою вѣйско з ним,

Палають щастям грѣзнь очи.
Махнув рукою лицар мѣй,
И легионы пѣшѣ й кѣннѣ
Розтали в сонячнѣм промѣнѣ . . .
Блакить небесна . . . блиск який
По-над безкраїми ланами!
Весна, весна без лѣку й числ!
И знов перѣстими волами
Виходить на рѣлю Пшемисл.
У небѣ жайворон ущух.
А вѣн оре нову ниву —
Вже не забуту й сиротливу,
И чорнѣ скибы верне плуг.
Вѣн не зверта й не зна спочину
И йде, вдивившись у Схѣд —
В чарѣвну сонячну краину,
И часом лиш важкий свѣй хѣд
Вѣн спинить и на люде гляне:
Кто вы? Кто вы? Де я? Де я?
Чия зѣбралась вас сем'я?
И чує одповѣдь: Словяне!
И посмѣхнеся на рѣлѣ,
И сам себе усе пытає:
Невже и краю вже немає
Ланам Словянскоѣ землѣ?
Далекий Схѣд — не видно краю.
Плугатар оре вѣд Пѣвночи.
Сїяють щастям добрѣ очи.
— Де ж я? Кто вы? — Коло Дунаю,
Та се ж браты твоѣ, Словяне,
Шо в давнину зазнали горя,
Теперь свобѣднѣ. — И до моря
Иде Пшемисл, аж за Балканы.

Живуть для щастя и свободы
Словянскѣ вольніѣ народы!

Апотеоз.

Селянин — чех (выходить з лѣвого боку: в руках у него розорванѣ желѣзнѣ пута, якѣ вѣн кладе до нѣг Лѣбушѣ, прилякнувши на одно колѣно).

До бою нас, як дужий дзвѣн,
Твоѣ збудили заповѣти, —
Од рѣдноѣ землѣ поклѣн
Тобѣ складають вольнѣ дѣти.
Розбили пута мы мѣцнѣ,
Не будем бѣльше мы рабами!
Витай, княгине, — краснѣ днѣ
Зѣйшли й над Чеськими полями!

Селянин словак (так само).

Як грѣзний бог, страшенный грѣм
Потряс Словацкою землею,
Святый свободы херувим
Пролинув радѣсно над нею.
Мы пута рабства розтяли,
Нас не злякала нѣч крѣвава!
Теперь мы вольнѣ, як орлы,
Й живе до вѣку Мати Слава!

Селянин — русин (так само).

Розбив наш сон крѣвавый бѣй,
Розбив и нашѣ вѣн кайданы, —
Мы вольнѣ знов в сем'ѣ однѣй
Из вами, о братья словяне!
Душею й сердцем мы до вас
Приникли в тяжкую годину:
За волю разом в грѣзний час
Мы будем битись до загину!

Лѣбуша (здѣймае руки горѣ й стоить так якусь хвильку з очима, звернеными до неба — радѣсна, усмѣхнена).

(На сценѣ раптом темнѣе. Все зникае. Мѣсячна нѣч, як и перше. Вартовый 1-й стоить нерухомо, обпершись на свою палицю и схиливши голову на руки).

Вартовый 2-й (пѣдходить до 1-го и б'є єго злека по плечу рукою).

Гай-гай! Отсе ты так вартуеш?

А знаєш, що за се скоштуеш?

Вартовый 1-й (пѣдводитъ голову, озирается и тре рукою чоло).

Я задрѣмав? Се ночи чары . . .

(Єму нѣяково).

Се справдѣ той . . . се справдѣ смѣх . . .

(Пригадує сон, — лице прояснюєся).

Але . . . за кѣлька хвиль отсих

Дѣстать готов найбѣльшѣ кары!

Завѣса.

